

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

МАТЕРИАЛЫ
Международной научно-практической
конференции
«Теория и практика судебной экспертизы
в современных условиях»
(г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.)

• ПРОСПЕКТ •
Москва
2007

УДК 340.6(06)
ББК 67.5
М34

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель оргкомитета: *Росинская Елена Рафаиловна*, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз МГЮА, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Руководители секций: *Орлов Юрий Кузьмич*, профессор кафедры уголовно-процессуального права МГЮА, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ; *Зинин Александр Михайлович*, профессор кафедры судебных экспертиз МГЮА, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ; *Галышина Елена Игоревна*, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз МГЮА, д.ю.н., д.филол.н.; *Алисиевич Владимир Иванович*, профессор кафедры судебных экспертиз МГЮА, д.м.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; *Усов Александр Иванович*, заместитель директора РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебных экспертиз МГЮА, д.ю.н., доцент; *Дмитриев Евгений Николаевич*, заместитель директора Института судебных экспертиз, доцент кафедры судебных экспертиз МГЮА, к.ю.н., заслуженный юрист РФ.

Ответственный секретарь оргкомитета: *Росинский Сергей Борисович*, доцент кафедры уголовно-процессуального права МГЮА, директор АНО «СОДЭКС МГЮА», к.ю.н., доцент.

М34 **Материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях»** (г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.). — М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. — 560 с.

ISBN 978-5-482-01830-9

14–15 февраля 2007 года в Московской государственной юридической академии состоялась Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях».

Конференция явилась первым за долгое время мероприятием подобного уровня, направленным на комплексное изучение феномена судебно-экспертной деятельности.

В работе конференции приняли участие известные ученые в области судебной экспертизы, работающие в ведущих научно-исследовательских учреждениях и учебных заведениях России, а также Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Литвы и Польши. Помимо этого, на конференции присутствовало большое количество экспертов-практиков из государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений.

В сборник вошли тезисы выступлений, а также статьи, представленные участниками конференции. Они печатаются в авторской редакции.

Общая структура сборника построена в соответствии с программой конференции, а в разделах материалы расположены, как правило, в алфавитном порядке по фамилиям авторов.

УДК 340.6(06)
ББК 67.5

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ» (г. МОСКВА, 14–15 ФЕВРАЛЯ 2007 г.)

Подписано в печать 10.09.07. Формат 70×100^{1/16}.
Печать офсетная. Печ. л. 35,0. Тираж 300 экз. Заказ № 1238.

ООО «ТК Велби»,
107120, г. Москва, Хлебников пер., д. 7, стр. 2.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Домодедовская типография»
142001, г. Домодедово, Каширское шоссе, 4, корп. 1.

ISBN 978-5-482-01830-9

© МГЮА, 2007
© ООО «Издательство Проспект», 2007

ча — специалиста в области судебной медицины, участвовавшего в осмотре места происшествия при обнаружении трупа. Этот субъект может быть и судебным экспертом по тому же делу и экспертизе трупа (п. 5 ст. 96 УПК). Объяснить это сложно, даже комментарий к УПК Казахстана обошел это обстоятельство стороной. Примеры подобного рода можно продолжить. Все это приводит к выводу, что не следует вообще принимать новый закон о судебно-экспертной деятельности, не разобравшись до логического конца с ныне действующим законодательством в этой области.

Как свидетельствуют публикации СМИ, имеются факты коррупции в работе отдельных судебных экспертов, что представляет существенную угрозу монопольной судебно-экспертной системе.

Таким образом, как нам представляется, основной проблемой судебно-экспертной деятельности РК является повышение качества производства экспертиз и научного потенциала их обеспечения. Эти факторы регулируются, естественно, не новым законодательством, а реальными мерами укрепления экспертных кадров и их научным потенциалом. По мере создания системы государственных и негосударственных экспертных учреждений, становления всех направлений деятельности органов судебной экспертизы, стабилизации кадрового состава в центре и на местах, появится возможность экспертного обеспечения правоохранительных и судебных органов, реализации принципов ее независимости и состязательности, что будет способствовать полному, объективному и качественному расследованию уголовных дел любой сложности и рассмотрению их в суде.

ТЕОРИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...

Каминский М. К.,
заведующий кафедрой криминалистики
и судебных экспертиз ИПСУБ Удмуртского
госуниверситета, д.ю.н., проф.
(г. Ижевск);
Бикмаева Н. Л.,
ассистент кафедры криминалистики
и судебных экспертиз;
Поздеев А. И.,
аспирант кафедры криминалистики
и судебных экспертиз

Становление отдельной области научного знания всегда является процессом, который чаще всего описывают как процесс перехода от интуитивных представлений к сумме эмпирических знаний и от них к построению теоретических конструкций.

В самом общем виде такое отражение динамики рассматриваемого процесса подтверждается практикой. Если бы существовала реальная возможность произвести хронологически непрерывную видеозапись всех без исключения компонентов такой динамики: статьи, конференции, диспуты, монографии, организационные документы, юридические установления, наконец, диссертационные исследования, то мы бы не без удивления обнаружили, что «выровненная» историческая траектория действительно имеет вид плавного восходящей кривой, зарождающейся в описании отдельных случаев проведения экспертиз в суде, консолидация (опять-таки через анализ практики) в сумму некоторых концептуальных положений, и, наконец, стремление построить абстрактную модель функционирования и развития института судебной экспертизы.

Вместе с тем мы бы увидели, что само «выравнивание» рассматриваемой кривой носит не аналоговый, а скорее дискретный характер. Иными словами, развитие идет скачками, поворотами, и в отдельных случаях имеются даже «откаты» назад.

Более ста лет тому назад Ф. Энгельс, характеризуя диалектико-материалистический метод К. Маркса, подчеркивал, что мысль ученого должна начинаться с того, с чего начинается ход истории, но именно потому, что сам ход извилист, скачкообразен, идет с поворотами и возвратами, ученый и должен выровнять его и исправить. Сделать это,

однако, можно, только подвергнув анализу те узлы противоречий, которые возникли в ходе исторического процесса, установив, как решались противоречия отношений в этих узлах, установив ту минимальную, далее неделимую единицу анализа, из которой можно и должно вывести всю абстрактную конструкцию теоретического представления об объекте и его развитии.

Иными словами, построению теоретической модели «жизни» объекта должна предшествовать методологическая работа. Можно сказать, что должны быть построены те очки, создана та призма, через которые ученый видит действительность, ибо отражение не просто отражает, но и строит мир.

Таким образом, прежде всего, ученый должен полно и четко осознать и объяснить ту методологическую парадигму, исходя из которой он строит теорию.

В рамках статьи невозможно максимально глубоко изложить всю абстрактную проблематику. Потому выделим главные методологические моменты, с позиции которых строятся наши рассуждения.

Первое главное методологическое положение состоит в том, что человек живет в мире своих идеалистических представлений, допуская, что рядом с ним существует то, что называется материей. Он ее захватывает в качестве материала, он паразитирует на ней. Именно поэтому главным, конструирующим фактором в человеке является искусственное, а не естественное.

Изложенное положение отражает сущность методологии диалектического материализма. Содержание второго методологического положения состоит в том, что формой жизни человеческого существа является деятельность, любой вид которой состоит как из материально-преобразовательного, так и мыследеятельного компонентов. Все виды человеческой деятельности представляют собой систему, все виды человеческой деятельности взаимосвязаны, взаимозависимы, все виды человеческой деятельности взаимодействуют между собою.

Наконец, третий методологический постулат утверждает, что человеческой деятельности присуще свойство отражения, но проявляется оно не как фиксация воспринимаемого, а как сложный процесс актуализации информации. Можно сказать, как процесс осмысления воспринимаемого.

Настоящие методологические предпосылки не только очерчивают рамки универсума, в котором должно проводиться исследование, но и определяют те шаги, которые в соответствии с ними должен сделать исследователь.

Так как в начале пути исследователь стоит в самой онтологии (в данном случае в практике проведения экспертиз), то естественны попытки обсуждения этой онтологии. Достаточно вспомнить, что основной камень преткновения в начале пути формирования новой отрасли научного знания — судебной экспертизы выглядел так: «Вам никогда не удастся объединить криминалистическую экспертизу и ветеринарную экспертизу!» Шло время, не затихали дискуссии, росло число публикаций, углублялись знания. Этот процесс, как известно, породил новую парадигму — парадигму судебной экспертологии. Речь пошла не об объединении отдельных экспертиз, а выделении тех единых общих черт, которые им присущи.

Нет необходимости в подробном историографическом отношении описывать все перипетии процесса, достаточно отметить, что на базе именно этой парадигмы начинают появляться сначала отдельные статьи, а затем и крупные работы, авторы которых уже строят общую теорию науки судебной экспертизы.

Сказанное позволяет спросить: удалось ли исследователям выйти из круга онтологии в рефлексию над ней, создать мыслительное пространство, построить теоретическую модель, и, в конечном счете, реализовать главный принцип диалектического материализма, принцип восхождения от абстрактного к конкретному? Есть основания отрицательно ответить на этот вопрос.

По непонятным причинам речь сразу и однозначно стала идти о судебной экспертизе, хотя в действительной части реальности существует великое множество экспертиз, никак не связанных с судебным исследованием. Экспертизы проектов строительства сложных объектов, результативности испытания новых видов вооружения, экспертиза

эффективности принципиально новых технологий и т. д., и т. п. вплоть до экспертизы выбора «Мисс вселенная»...

Складывалась ситуация, в которой по умолчанию полагались два положения. Во-первых, ученым известна онтология экспертизы вообще. Во-вторых, опять-таки по умолчанию, известны те особые онтологические (но не формально-юридические) свойства отдельной группы экспертиз, которую называли судебными экспертизами.

Такая прозрачность проблемы смущает. Ведь если мы не на словах, а на деле исходим из деятельной методологии, то первичный именно деятельностный анализ содержания экспертизы совершенно необходим. Отсутствие такого анализа, отсутствие рефлексии его результатов и приводит к тому, что во многих современных источниках понятие «экспертизы» (или «судебной экспертизы») незаметно заменено понятием «экспертная деятельность», но такого рода синонимичность неоправданна, она просто недопустима.

Вместе с тем уже первичные шаги деятельностного анализа показывают, что любая экспертиза в своей сущности — это взаимодействие, взаимозависимость, взаимовлияние деятельностей, именно деятельностей, а не исключительно субъектов (индивидов) деятельностей.

Какой бы случай практики, в котором возникает потребность в экспертизе, мы ни рассматриваем, всегда оказывается возможность указать на 1) наличие некоторого объекта; 2) наличие деятельности познания свойств, качеств, характеристик данного объекта; 3) возникновение ситуации, когда, начиная с определенной точки процесса познания, он становится невозможным без проведения научно обоснованных исследований отдельных сторон объекта, т. е. без проведения экспертного исследования.

Эти эмпирически достоверные факты позволяют думать, что экспертология (в отдаленном будущем) может сложиться как отдельная отрасль научного знания об экспертизе любого класса.

Таким образом, какие важные следствия, вытекающие из рассмотренной схемы, следует подчеркнуть.

Во-первых, деятельность познания сталкивается чаще всего с объектом-оригиналом, и именно он, впоследствии, становится объектом исследования, проводимого экспертом или группой экспертов.

Во-вторых, выводы экспертов в известном смысле ставят точки над «i» во всем исследовании или, по крайней мере, в его основной части.

Вместе с этим в онтологии складывается и иная, особенная ситуация, обладающая следующими признаками:

— в минувшее время реализовывалась некоторая деятельность, в частном случае, это деятельность по замыслению, подготовке, выполнению, маскировке преступления (ПД). В процессе этой деятельности достижение цели всегда осуществлялось воздействием субъекта на исходные состояния таких объектов, как люди, животный мир, растительный мир, объекты человеческой культуры и информация. Воздействие всегда преобразовывало состояния названных объектов. Иначе говоря, взаимодействие всегда порождает образы оригиналов, принимая вид их оттисков, повреждений, веществ, продуктов реакций различного рода и т. д., и т. п.;

— в наличное время развивается познавательная деятельность, в частности деятельность по выявлению и раскрытию преступления (ДВРП), главной задачей которой является воссоздание содержания минувшего деятельностного события в изоморфной информационной модели;

— так как познаваемая деятельность лежит в прошлом, то познавательной (в частности — следственной) деятельности даны не оригиналы, а их образы: разрушенные объекты, тексты, оттиски и пр.;

— образы, о которых идет речь, в силу свойства отражения, способны в потенциальной форме содержать информацию как об объекте процессов, породивших образы, так и о динамике этих процессов;

— в силу того, что сами объекты и преобразования их состояний объективно могут иметь различную природу, то индивид познавательной деятельности принципиально не в состоянии актуализировать все виды потенциальной формы информации в образах,

декодировать, расшифровать ее — возникает потребность в развитии деятельности экспертного исследования;

— наконец, продукт деятельности экспертного исследования в рассматриваемых ситуациях никогда не означает конца познания. Более того, он всегда требует рефлексивного анализа и оценки, так как часто именно их результаты открывают возможность дальнейшего движения познания, в конечном счете — раскрытия преступления.

Описанные ситуации образуют ту онтологию, которая должна терминологически обозначаться «судебная экспертиза».

Надо отдать должное целой плеяде отечественных ученых, трудами которых в сегодняшней научной дисциплине «судебная экспертиза» достигнуты серьезные успехи как в анализе методик отдельных видов исследований, так и в решении таких более общих вопросов как: характеристика и классификация экспертных методов; классификация экспертных задач; определение предмета судебной экспертизы и ее объекта, язык общей теории судебной экспертизы и многих иных.

Вместе с тем нам представляется, что в ближайшее время предстоит (и база для этого создана) разработка содержательной части отражательно-информационной теоретической модели судебной экспертизы, модели, выражающей взаимодействие тех видов деятельности, о которых говорилось выше.

С позиций изложенного представляется оправданным говорить, что абстрактная модель судебной экспертизы должна опереться на систему методологических идей.

Далее она должна раскрывать строение, структуры и взаимосвязи тех деятельностей, узлы, переплетения которых и образуют ситуацию судебной экспертизы. Отсюда вытекает вывод о том, что рассматриваемая модель должна отображать содержание процесса возникновения образов, в которые в потенциальном виде отображается информация, характеризующая различные стороны минувшего деятельностного события.

Наконец, рассматриваемая модель должна содержать описание способов обнаружения и актуализации такого рода информации, ее рефлексивную оценку, результаты которой позволяют познавательной деятельности совершать восхождение на новую ступеньку процесса воссоздания минувшего деятельностного события.

МЕСТО ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Шейфер С. А.,

профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Самарского госуниверситета,
заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф.
(г. Самара)

Определение роли экспертизы в познании обстоятельств, составляющих предмет доказывания, менялось по мере развития процессуальной науки от времен господства теории формальных доказательств до наших дней. В процессе англосаксонского типа экспертизы отождествлялась со свидетельским показанием («показания сведущих свидетелей»). Такое представление разделял русский процессуалист К. В. Шавров¹. Другие ученые — Я. И. Баршев² и В. Д. Спасович³ считали, что экспертиза — дополнение осмотра («осмотр через сведущих лиц»).

В более поздний период в дореволюционной процессуальной науке вопрос о сущности экспертизы как средства доказывания был предметом оживленной дискуссии.

¹ Шавров К. В. Экспертиза в уголовном суде // Вестник права. 1899. № 7.

² Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. С. 53, 106—108.

³ Спасович В. Д. Избранные труды и речи. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. Тула: Автограф. 2000. С. 21, 36, 37.